

Литературный конкурс эссе
«Японский веер Владивостока»

«Моя» Япония

Выполнила:

Наталья Евгеньевна Матяш,

Сотрудник библиотеки

им. И.У. Басаргина МБУКВЦБС,

Адрес: г. Владивосток,

ул. Адм. Юмашева, д. 8

Тел. 8(423)244-02-94

сот.тел. 8-914-695-60-73

e-mail: vladlib11@mail.ru

Владивосток

2018 г.

О себе: Наталья Евгеньевна Матяш, р.21. 08. 1938 г.

Закончила пединститут г.Южно – Сахалинск, работала учителем в средней школе №10, затем в музыкальном училище г. Находки. В настоящее время библиотечарь, провожу мероприятия по программе «Юный родовед», «Библиотека семье» и другие.

«МОЯ» ЯПОНИЯ

Удивительно, как огромен наш мир! Сколько стран, сколько народов! На первый взгляд мы все такие разные, такие далёкие и непохожие друг на друга... Но если посмотреть пристальней, особенно через призму культуры, искусства и просто житейских историй, оказывается, что нас очень многое роднит, делает более близкими и понятными.

Япония – страна цветущей сакуры, Россия – страна белоствольной берёзы. За этими поэтическими символами – красивые легенды. Как близки они по духу, красоте, поэтичности! И сакура, и берёза – символы любви, чистоты природы, женской красоты.

Вот легенда о берёзе. Обиженная родственниками девушка превратилась в русалку и поселилась в лесном озере. В лунную ночь она выходила на берег – играла, веселилась. Как-то раз русалка не заметила, что уже рассвело, и появился бог солнца на колеснице. Он увидел прекрасную деву, влюбился и не захотел отпускать её в озеро. И она осталась на берегу, теперь уже в образе берёзы.

Сакура... Бог Ниниг спустился с небес на острова Японии. Его встретил бог гор Охо-Яма и предложил в жёны своих дочерей, их имена – Цветущая и Скала. Бог Ниниг выбрал Цветущую, а о Скале сказал, что она некрасивая, чем разозлил бога гор, и тот изрёк: «Если бы ты выбрал Скалу, жизнь японцев была бы вечной и прочной, а так – жизнь будет красивой, как цветок, но недолговечной». В день смерти Цветущей её волосы стали розовыми, а на могиле выросло чудесное дерево – сакура (в переводе «розовый»). Сакура в Японии растёт везде: в парках, садах, на площадях, и в

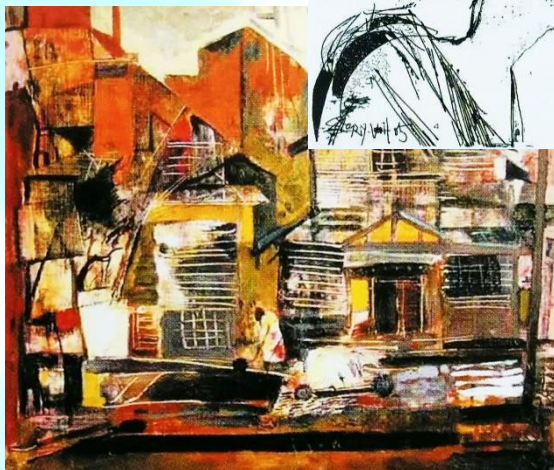
каждом доме обязательно есть картина с изображением сакуры – символа чистоты и нежности.

Хочу рассказать о людях, в чьих судьбах так или иначе присутствовала эта удивительная страна.

Художник Владимир Старовойтов (Старый Войт) не раз бывал в Японии, в том числе с персональной выставкой, проходившей в Саппоро и имевшей большой успех. «Живя рядом, мы не знаем друг друга. Но они в

большей мере
устраивают

Японка из Саппоро. 2005.

пытаются нас понять, часто выставки наших художников. Казалось бы, другая ментальность, утончённость во всём... Меня поражало, как тонко они чувствовали мои работы, которые для них должны

бы

выглядеть мазнёй, моя грубоватая манера очень отличается от

Старые дома. Саппоро. 1998.

Деревня Киноко. 1998.

японской филигранной отделки мельчайших деталей. Однако же им понравилось». Япония произвела на Владимира большое впечатление. Он отмечает необычайную открытость, раскрепощённость жителей этой страны и огромное желание понять чуждую им культуру.

Японское и русское начала удивительным образом переплелись в творчестве Зинаиды Ивановны и Леонида Борисовича Кищик. А началось всё с самого раннего детства. Иван Ануфриевич Кищик, отец семейства, работал в лагере для военнопленных японцев и, насколько это было возможно, общался с ними. По профессии он был краснодеревщик – дочка Зинопчка рисовала фигурки, а отец изготавливал по её образцам маленькие скульптурки и украшал ими мебель. В лагере его внимание привлёк некий Ямагути Хироси, который умело вырезал из дерева фигурки животных, цветы, куколок в японском наряде. Ивану Ануфриевичу было интересно поработать с мастером. С тех пор в семье хранятся две фотографии японских военнопленных и англо-русский словарь, подаренный Ямагути Хироси. Кроме того, перед возвращением в Японию он оставил своим русским знакомым акварельный рисунок, несколько скульптур из дерева и альбом, обтянутый шёлковой тканью. Все эти милые вещи – семейная реликвия и

добрая память о мастере, положившем начало увлечённости семьи Кищик японским искусством.

Зина увлеклась малой скульптурой, рисовала, лепила из глины, пробовала себя в разных техниках, но наиболее яркие работы создала под руководством сына Леонида, ставшего профессиональным художником, вероятно, не без влияния матери. Леониду было семь лет, когда в музее Тихоокеанского флота мать обратила его внимание на экспонаты, полученные в дар из Японии. У мальчика появился

интерес к литературе и искусству Страны Восходящего Солнца, к творчеству знаменитых художников – Хokusая, Хиросигэ, Утамаро. Результатом явилось создание множества иллюстраций к фильмам, сказкам, в том числе к сказке «Таро – повелитель драконов». Он копировал японских мастеров, создавал шаржи, линогравюры, мастерил японских кукол, придумал образ Японии в виде цветочной композиции. Интерес к стране-соседу у художника не угасает. В его коллекции рисунки, экслибрисы, картины и даже костюмы, которые он сам шьёт и демонстрирует. Мать и сын побывали в стране своей мечты, гостили в одной из семей. Наверно, это и есть «народная дипломатия», укрепляющая дружбу и культурное сотрудничество Японии и России.

С художниками всё понятно: такая страна, как Япония, не может не привлекать их своей экзотикой, отличностью даже от других восточных стран, а главное – умением живописцев подмечать такие тонкости, которые подчас недоступны обыкновенным людям.

Но вот –знакомьтесь! Евгений Дмитриевич Савилов – врач, доктор медицинских наук, профессор. В его руках случайно оказывается сборник стихов – танка ИсикаваТакубоку, изданный в 1971 году. Евгений Дмитриевич попадает под магическое воздействие японской поэзии, у него возникает желание углубиться в

её изучение. Результатом явились три книги: «Марево теней» (2006 г.), «Классическая японская поэзия» (2007 г.), «Дзэн-буддизм и японская поэзия» (2009 г.).

Исследователь обращает наше внимание на то, что японская поэзия «в целом весьма печальна и пессимистична». Он связывает это с высоким уровнем развития у японцев чувства морального долга, начиная от императора и завершая «всеми человеческими контактами в процессе жизни». «Долг платежом красен», – вспоминает автор русскую пословицу и тут же приводит аналогичную японскую: «Человек не может выплатить и одной десяти тысячной долга». А выполнение долга требует развития силы воли, умения отказывать себе в радостях жизни, при этом не осуждая и не отрицая их.

Е.Д. Савилов предлагает сравнить описание осени, сделанное японскими авторами и А.С. Пушкиным, справедливо утверждая, что они прекрасны:

*Вот и осень пришла.
Мой печальный приют
Осыпан листвою опавшей,
И никто не заходит в гости,
Протоптав меж листьев тропинку.*

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...*

Вот такие чудеса творит эта удивительная страна со всеми теми, кто хоть какой-то стороной своей души прикасается к ней.

А теперь простая житейская история.

Надежда Самойловна Егорова. С Японией у неё связаны воспоминания послевоенного детства. На полях родного села Глазовки работали пленные японцы, а ребячья ватага стояла в сторонке и с любопытством наблюдала за ними. Вдруг один из работающих поманил пальцем маленькую Надю и протянул ей морковку. «Спасибо!» – тихо прошептала она. «Спасибо, спасибо!» – с сильным акцентом повторил и радостно закивал тот. Дома девочка рассказала о неожиданном поступке японца. Мать, у которой муж ещё не вернулся с войны (была какая-то задержка), на сына в 44-м пришла похоронка, налила в банку козьего молока: «На, отнеси горемыке, может быть, и нашим кто поможет». А когда пленных стали отправлять на родину, новый знакомец протянул девочке пакет, а в нём – почти новые меховые ботинки. Старшая сестра всю зиму проходила в них. Посмеивались, правда, мол, сапоги-скороходы, но ногам тепло было. Сколько лет прошло, а Надежда Самойловна помнит этот случай и, заканчивая свой рассказ, всегда говорит: «Люди должны оставаться людьми».

Помнится, в 1970–1980-х годах была хорошая традиция – отправлять в Японию так называемые «корабли дружбы». Большие творческие коллективы выступали с концертами, проводили разного рода встречи, участвовали в спортивных состязаниях и, конечно, отправлялись на экскурсии. Прекрасная форма взаимного сближения и узнавания!

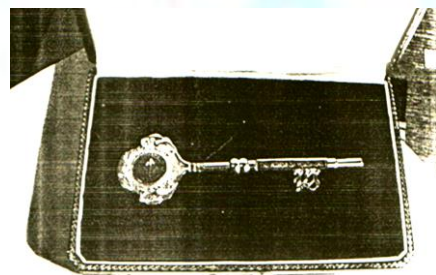
Наша библиотека носит имя замечательного приморского писателя Ивана Ульяновича Басаргина, у нас же хранится и часть его литературного архива, в частности, письма. В некоторых из них он рассказывает о своём пребывании в Японии. Это была творческая командировка (февраль- апрель 1974 года), он был в составе команды теплохода «Капитан Лютиков». К

слову сказать, Иван Ульянович был членом общества «СССР – Япония». Теплоход заходил в японские порты Кобе, Иокогама, Токио, Тояма-Шинка. Вместе с моряками он посетил мемориальное кладбище и другие памятные места. Но больше всего меня тронули строчки, в которых писатель с болью в сердце говорит, что увидел в японских портах горы русского леса. «Это частица моей Уссурийской тайги, частица души Дерсу Узала, Арсеньева, моих предков, всех, кто жил нашей тайгой, всех, у кого болит душа за каждую кедёрку, а таких «кедёрок» здесь тысячи,

миллионы» Эта претензия не к Японии, а к нашей политике, когда заключались такие договоры. Побывав в Японии, И.У. Басаргин собрал интересные сведения, сетовал, что, к сожалению, мало общался с местными жителями. И всё-таки у него сложилось впечатление о стране – «удивительна, загадочна и многолика».

А вот совершенно уникальная история. Несколько лет назад при библиотеке им. И.У. Басаргина работал детский клуб «Юный родовед». В одном из заданий участникам клуба было предложено рассказать о семейной реликвии. Арина К. (8 класс, школа № 66) с любовью поведала о своём дедушке, который родился в Таганроге, на родине Антона Павловича Чехова. В 1976 году он оказался в городе Иокогама по случаю ремонта ледокола «Ленинград». Гуляя по городу, обратил внимание на афишу. Сообщалось, что японская театральная труппа готовит к постановке чеховскую пьесу «Три сестры». Дедушка заинтересовался, зашёл к режиссёру и рассказал о своём видении пьесы. Моряку предложили роль Вершинина. Японский текст написали русскими буквами. Спектакль имел огромный успех – в семье сохранились газетные вырезки с восторженными отзывами. Дедушка был приглашён на приём к мэру, где ему были вручены символические ключи от города Иокогама. Так в семье появилась интересная реликвия из Страны Восходящего Солнца.

...Мне не довелось побывать в этой удивительной стране, но все рассказанные истории сложились в «мою» Японию. Пусть же всегда будет ветка сакуры во Владивостоке, а берёза – в городах далёкой и близкой Японии!